

Геннадий Павлович Комаров

Учился в СЗПИ (Северо-западном заочном политехническом институте). Закончил институт, аспирантуру. Работал инженером в неведомственной охране. Начальник узла связи, Кировский завод. ЦНИИТС – Центральный научно-исследовательский институт технологии судостроения – ведущий инженер, в это же время закончил аспирантуру. Гостиница «Москва» – начальник службы торгово-технологического оборудования. 2001-2002 гг. – вышел на пенсию, ведущий инженер СПбГУ ИТМО.

Мы всегда выезжали за город, снимали на лето дачу и всё лето жили за городом. В 1941 году поехали в Белоруссию к сестре матери. Пожили несколько дней, как началась война. В последнюю минуту мы ушли из деревни, в которую уже въехали немцы. Наши войска отступали, и молодой лейтенант в машину с ранеными людьми посадил мою мать с двумя детьми. Благодаря этой последней машине мы успешно добрались до Ленинграда. Дома мы нашли записку отца, в которой он писал, что его призвали в армию.

До Нового года ничего особенного не произошло, но с продуктами стало хуже.

18 января 1942 года наш дом сгорел. Матери выдали справку. Вся мебель сгорела, что смогли, взяли с собой. Мы направились к знакомым из деревни, которые временно проживали в Ленинграде.

30 октября 1942 года мать устроилась на работу в «Лениздат», в редакцию газеты «Ленинградская правда» на должность курьера по городу. Благодаря этой работе мы выжили.

Мать работала, в основном, по ночам в условиях полной маскировки. Она имела особый пропуск, по которому могла ходить в любое время суток по городу. В то время действовал комендантский час.

После пожара нам дали комнату в доме на улице Правды. Вся квартира принадлежала дирижеру Ленинградского цирка – хозяева уехали из Ленинграда, и в пустую квартиру поселили две семьи. В нашей семье было три человека.

Мой брат был старше меня на 9 лет. Во время блокады ему было 11 лет. Мама устроила брата в училище, и стали мы жить вместе с мамой. В училище ребята учились и работали. Им платили небольшие деньги. Брат пытался покупать продукты, готовить еду. Наварит каши и уйдет в училище и забудет про еду. Приходит через несколько дней, а всё испортилось.

Комната была площадью 15,5 кв. метров. Окна были забиты фанерой. У нас был телефон, поскольку мать могли вызывать в любое время суток.

Дом стоял на углу улицы Правды и Разъезжей, по адресу: ул. Правды, д. 2/13, кв.49, стоит до сих пор. Раньше в квартиру было два входа, поэтому мы ходили и с улицы и со двора.

Напротив дома стояла булочная, в неё попал снаряд – развалилась.

Мать определила меня в детский сад, который располагался в квартире Достоевского. Потом эта квартира стала музеем.

Меня в детский сад водили то брат, то мать, также по очереди они меня забирали.

Хорошо помню, как нам давали подарки. В издательстве сотрудникам, у которых были дети, давали подарки. Самым вкусным был сироп шиповника в бутылочках по 200 граммов. Мы пили его долго понемножечку в день. Подарки выдавали к праздникам: 7 ноября и Новому году.

К Новому году мать приносила еловые ветки, из которых мы делали елку. Игрушки делали сами – это были бумажные конфеты...

Из дома уехали в 70-х годах. После войны хозяева вернулись в свою квартиру.

После снятия блокады не было репетиционных залов, и поэтому цирковой оркестр собирался в квартире и репетировал. Было громко. Родители, конечно, были недовольны. Дирижера звали Ефим Михайлович Дорфман, а его жену – Мария Львовна. Позже они купили кооперативную квартиру, а свою комнату отдали нам. Яркие впечатления остались от цирка, Ефим Михайлович брал меня с собой на цирковые представления.

Брат учился и работал. Я помню, как его забрали в НКВД. Он только помылся, а с черного хода вошли несколько человек с оружием и приказали одеться. Брат мой оделся и его увезли. Это было в конце войны. Я уже пошел в школу в то время. Он писал нам, мать переписывалась с ним. Его сослали в Коми АССР на лесозаготовки. Потом, уже после войны, он несколько раз приезжал, но в городе ему не понравилось. У него 2 сына и дочь.

Мать рассказывала, что она часто по работе ездила к знаменитостям того времени и, в частности, к Ольге Берггольц.

Когда блокаду сняли, все дети сотрудников выехали на лето на дачу, был организован детский сад. Мне было тогда 4 года. А война еще продолжалась.

Блокада – такое мрачное время было, что ничего кроме тяготы в памяти не осталось.

Совершенно пустынные улицы, без единого человека, производили гнетущее впечатление.

Умирали знакомые. Когда мы с матерью шли по улице, мы встречали знакомых, а потом они пропадали. Больше мы их не встречали.

У нас была буржуйка, которую мать где-то раздобыла. Мы всю мебель сожгли в этой печке.

Обычно по весне сотрудникам разрешалось разбивать свой огород. В конце маршрута № 29 трамвая была остановка «Мясокомбинат». Там было огромное поле, и полуживые сотрудники редакции разбивали на нем свои огороды.

Мы с матерью ездили на это поле.

На станцию Пери можно было ездить собирать грибы, ягоды, но для этого надо было иметь специальные пропуски. Недалеко от станции располагался совхоз имени Кирова, в столовой этого совхоза кормили сотрудников вместе с детьми. Я съедал огромную тарелку еды. Казалось, живот лопнет. Паровой поезд ходил только до станции Пери, дальше надо было идти пешком 2 километра до совхоза, а рядом с совхозом был лес.

В конце войны от здания редакции стали ходить автобусы до совхоза. Автобусы были двухэтажные, огромные и длинные-длинные. Мне они казались громадными. На этом автобусе приезжали прямо в лес и вокруг автобуса собирали ягоды и грибы.

Мать брала меня с собой на работу. Она уходила, оставляя меня в комнате, сидеть приходилось по 2-3 часа.

В конце блокады появилось очень большое количество военнопленных: немцев, испанцев, венгров. Они под конвоем работали. В издательстве работали венгры. Они были высокие, большие. Некоторые из них говорили по-русски. Позже их репатриировали обратно. Сотрудникам говорить с ними было нельзя, разговаривали только тогда, когда не было рядом часовых.

Военнопленные делали игрушки, свистульки и продавали их или отдавали в обмен на кусок хлеба. Мне очень хотелось свистульку. Но мать каждый раз проходила мимо, так как у нас у самих не было лишних денег и еды.

Военнопленные восстанавливали Дом культуры Пищевой промышленности, в котором потом демонстрировались трофейные фильмы, такие как «Судьба солдата в Америке», «Тарзан», «Путешествие будет опасным». В начале показа фильма шли титры, что фильм взят в качестве трофея. Шли и наши фильмы: «Два бойца», «Весна», «Мы из Кронштадта».

На всю жизнь остался страх. Жуткий страх пустынных улиц. Во время блокады в 16-17 часов дня количество людей на улицах резко уменьшалось. Позже – никого. Оставить меня было не с кем, брата Бориса забрали, и мать брала меня с собой или запирала в комнате на ключ. Было опасно.